

Иван-царевич в подземном царстве

Зачиналася, починалася славная сказка, повесть. Не́ в каком царстве, не́ в каком государстве, а именно в том, где и мы живём, на ровном месте, как на скатерти, жил-был царь вольной человек. Этот царь был слепой. У царя было три сына: Фёдор-царевич, Василей-царевич и Иван-царевич: лежит на печке на муравленке, в саже да соплях запатралса. Вот Фёдор-царевич и стал говорить отцу: «Вот ты, отец, живёшь слепой, дай мне коня доброго, сто рублей денёг и благословленьё, я поеду в иностранные земли искать глазную воду́ и живую воду́, и мёртвую воду́». Царь дал ему сто рублей денёг, коня доброго и благословил, тот и поехал. Ехал близко ле, далёко, низко ле, высоко, не так скоро дело делаитци, как сказка сказывается. Доехал Фёдор-царевич до ростаней широких: одна дорога ехать — конь сыт, сам будёшь голодён, другая дорога — сам сыт, конь голодён, а третья дорога — живому не быть. Думал, думал, поехал, где самому голодному. Ехал, ехал, доехал до двора — дом стоит превеличающей, городом назвать, дак мал добрэ, а теремом назвать, дак велик добрэ. Выскочили из этого двора-дому три девичи. «Ай, Фёдор-царевич, к нам заходи-ко, твой-от батюшко бывал, квасу пивал, хлеба-соли едал». Сейчас коня подхватили, насыпали коню овсу, пшоны белояровой; завели его к себе в дом, сел за стол, чаем напоили. «Ну, — говорят, — не угодно ле со мной в тёплу лежню, позабавится». — «Можно». Увела, привела к кровати. «Ну, давай, Фёдор-царевич, ложись на кровать». Фёдор-царевич на кровать лёк, вдруг и ўрнул, полетел в погреб сорок сажон: кровать была с подлогом. В погребу есть уж много молодцов, спрашивают: «Хто такой ты есть?» — «А я такой-то, Фёдор-царевич». — «Вот хорошо». — Им-та и пища: бросят соломки, пол вымоют, воды ульют, та и пища. Хорошо.

Этот царь с месяц времени дожидал сына, не мог дождать, в печаль вдалса. Другой брат Василей-царевич тоже стал просится, и ему царь дал сто рублей денег... (и пр. и пр... Опять в ту же дорогу поехал, и с ним тоже случилось)... Иван-царевич с печи стал, умылся, сопля утёр, стал просить у отца благословения, живу воду, мимо и братьев искать. Царь его уговаривал. «Куда ты, дитя, те уехали — пропали, уедешь, у меня государство должно нарушится». — «Любезной батюшко, дашь благословенье пойду и не дашь пойду». Дал царь благословенье и сто рублей денег и хорошего коня. Вот Иван сел на коня и поехал и до тех же

ростаней доехал. Думал, думал и поехал, где живому́ не быть. Ехал, ехал, ехал ба́ш день, ли́бы два и доехал, стоит избушка на курьих ножках, об одном окошке, на сыром говёшки и вокруг вертится. Говорит Иван-царевич: «Осто́йся, избушка, к лесу глазами, ко мне воротами». Избушка остановилась. Из избушки выскочила баба-яга костяна нога, жопа жилена, м... мылена. «Ох, — говорит, — здраствуешь, Иван-царевич, в нашу сторону, в наше место ворон руськой кости не занашивал, а Иван-царевич прибыл». Взяла у Ивана-царевича коня, поставила к овсу и сену, которо хошь ешь, самого завела в избушку. Сейчас пёрнула, стол поддёрнула, бзнула, штей плеснула, жопой потрясла и блинов нанесла, накормила, напоила и спать повалила, и стала вестей спрашивать. «Иван-царевич, куда жо ты поехал, волей али неволей?» — «Бабушка, богоданная матушка, сколько волей, а другá столько неволей, и пешой на охвоту, пуще бывает неволи; поехал я живу воду и мёртву и братьев искать». — «Братья твои здесь не бывали, а жива вода и мертва, и глазна есть по этой дороги, только она под крепким каравулом: струны подведены и колокола завязаны, а караулит стра́гия — царь-девица золотая грудь. Ну, ланно, утро мудро, мудрене вечера бывает». Проспал Иван-царевич до утра. Утром баба-яга печку истопила, кашку наварила и блинков напекла, накормила, напоила и вышла с ним на уличу и скрычала громкиим голосом: «Сивко-бурко, доброй конь-воронко, явись передо мной, как лис перед травой». Прибежал сивой конь, баба-яга писемчо написала, коню в ушко запихала. «Садись, Иван-царевич, на моего коня, а твой пускай отдыхат, там дальше живёт друга сестра, к вечеру к ей доедешь». Сел на коня и поехал; ехал с утра день до вечера, вечер вечера́йтце, езык почáсывайтце и на езы́ке вода оста́ивайтце, ему ись похачивайтце, ись нечего; доехал он до избушки. Стоит избушка (и пр., вторая баба-яга к уху припала, письмо прочитала: «Ах!» и пр. Также точно поехал и к третьей сестре, а от неё до города. Третья баба-яга на коня посадила и наказывает:) «Доедешь ты в эти часы до места, конь перескочит стру́ны, тогда в этом жива вода, в другом мёртва, в третьём глазна вода». Вот приехал, прижал коня шпором, скочил, струны не задел. А в то время страгия — царь-девица золотая грудь заспала; она размахалась, разботалась и до грудей заголилась. Он вперёд прошёл, ей не задел, начерпал воды из того колодца, из другого, из третьёго, свои сосуды наполнил и положил в кису, а себе маленьки пузырьки изо всех же из трех колодцов взял и в корман положил, и назад оборотилса. Царь-девица всё так спит. Ивану-царевичу придумалось с ей любовь сотворить. Вот на ей напахну́л и любовь сотворил, и она всё спит, не услышала. Вот он отро́бил ей, опра́вилса и пошёл' коню, сел и прижал шпорами. Конь скочил, копытом

струну и задел. Сейчас же струны забили и колокола зазвонили. «Ба! хватай, имай удалого вора!» Эта страгия — царь-девица прохватила. «Ах, невежа, приехал, да в моем колодче своего коня напоил». Закричала громким голосом, чтобы подтащили ей корету и тройку лошадей. Подпрегли, в корету села, и потащились в сугон.

Этот же Иван-царевич пригонил к яге-бабы и не удалось ему не попить, не поись, на бурого коня сел и едва из виду угонил, а царь-девица нагонила, спрашивает: «Не видала ле Ивана-царевича». — «Видала, он ехал когда я жито жала. А негодно ле тебе баенка истопить?» — «Как бы не надо баенка, меня натресло». Затопила, не бздит, не горит, один дым валит. Вот страгия царь-девица побежала сама смотреть, скоро ле байна поспет: «Ох, старая чертовка, ты меня заманивашь». Сейчас велела запрекчи и снова поехала. Вот погонила в сугон. Иван же царевич ко второй бабы-яги пригонил, где сивой конь оставлен. Сел на сивого коня, из виду так скрылся, она и нагонила. Пригонила ко второй сестры и спрашивает у ей: «Давно ле Иван-царевич проежжал...» — «А тогда проежжал, когда я репу рвала». — «Ох, давно». — «Не угодно ле тебе баенка истопить». — «Да как бы не угодно, давай истопи, не скоро ле у тебя помоюсь». Вот та побежала затопила тем же порядком, и пр...

А Иван-царевич гонил, гонил до своего коня догонил, да и опеть — был да нет. Как ле он на своё место утенулса, укрылса, она опять нагонила... «Негодно ле тебе, баенка?» и пр... баба-яга дровец сухих наколола, а сама намётывают часто, чтобы доле их доспеть; вот страгии царь-девица побежала — ей пондравилось, что это скоро истопитче. Дождала баню, пошла и попарилась. Попила, поела и в угон погонила. А этот же Иван-царевич догонил до ростаней, да в ту дорогу и свернул, где голодному быть. А царь-девица догонила до ростаней и не знат, куды гонить, оттуль и назад поехала.

А этот Иван-царевич догонил до дому, где братья стрёщены и видит: кони братнины стоят. Выскочили и девицы. «Ах, Иван-царевич, твои братья у нас были, хлеба-соли ели, чай пили, милости просим и тебя». Вот Иван-царевич и пошел к им в дом и видит: шапки братнины на сничах висят, и думает: «Ах, сдесь однако нелáдитчя». Вот его за стол посадили, чаем напоили, а он-таки смекать стал. Стала говорить одна девица: «Не угодно ли со мной позабавитчя». — «Можно». — Сейчас взяла его за руку, повела в спальню, к той же кровати: «Давай, ложись». А Иван-царевич: «Нет, впереди молодой девки не ложатчя, должна наперёд девка лекчи». — Девка упираетчя, не

ложитчя, он взял ей, да на кровать и бросил, она сейчас и полетела, пала в погреб. Народ закричали. «Хто такой пал». — «Я, здешня хозяйка-девка, пала, как-то приехал Иван-царевич да меня спихнул». Узнали хто, хватали за руку — руку оторвали, хто за ногу — ногу оторвали, хто за голову — голову оторвали. Иван-царевич выскочил к сестрам, стоптал в пол: «Добывайте братьей, а нет, дак я у вас головы отсеку!» Вот девки пошли на улечь, взяли копарёги, зачали подкоп делать. Подкоп выкопали, вышло из погребу сорок молодцов. Этих девок успокоили, подписки с них взяли, штобы они проежжих кормили-поили, дорогу указывали, а омману не делали. «А если будете, головы отсеку, и дом весь распустошим этта». Девки дали им подписки. Лошадей взяли молодцы и поехали, а этот Иван-царевич со своими братьями поехал обратно к растаням. Братьям едет и сказыват: «Я достал живу воду и мёртву и глазну, застанём-нет отча живого».

Приехали к растаням, Ивану-царевичу тяжело стало, захотелось ему отдохнуть, говорит братьям: «Похраните коня, а я легу, усну». Лёг и заспал, а братья направили стегі и начели камень выворачивать; выворотили камень, а там под землю дыра, пробась; взяли Ивана-царевича сонного в пропась и спустили, а камень назад пропась не запружили. Коня да кису взяли и уехали, сказали отцу: «Коня нашли, а брата не могли натти».

Шейчас Иван-царевич летел, летел и пал на землю, в подземельно царсво; пал и прохватилса, стал смотреть — тьма, не винно свету, только слышит, что вода шульчит, ручей бежит. Он припал к ручью, пошшупал рукой, куда ручей бежит, по ручью и пошёл; шёл, шёл стал свет падать, вышел в подземельно царсво; там таков же свет, как и у нас. Вышёл к синему морю, у синего моря стоит избушка. В ту избушку привезена царска дочка на съеденье змею; кажны сутки по человеку с дому давали. Зашёл Иван-царевич в эту избушку, а царска дочь сидит, слезами горючими уливаётца. Он спросил у ей, она рассказала. «А ты какой?» — «А я с того свету, меня братья в дыру спустили». Он лёк ей на колени: «Ищи у меня, а зверь выйдёт, буди меня, не могу ле я змея убить». Вдруг море всколыбалось, на жёлты пески вода зливалась, и вышел змей троеглавой. «Ах, когда одна голова живёт, а нынче две, наедимся досьта». Девка начала будить, слёза упала на рожу, он прохватилса. Иван-царевич схватил топор превеличающей и стал ко дверям. Змей двери отворил, головы свои сунул, Иван-царевич и тюкнул, эти три головы и отсек. Вынул из головы по самоцветному камню, себе в корман спустил, взял угол приздынул, три головы под угол и положил, а тулово в морё свалил. Опять лёг, голову искать девке. Прошло

време, вышло Идолишшо шестиглаво; девка будила, будила, плакала, плакала, слёза пала на личо, Иван-царевич прохватился, стал к дверям, и пр... Сидят с девкой — вышло змей девятиглавой. «Ах, Иван-царевич, не думай, тех братьей убил — меня не убьёшь, у меня хоть худы, да девять голов». Иван-царевич взял топор, стал ко дверям, змей пришёл, головы сунул, Иван-царевич шесть голов отсек, а три и остались. Схватились боротча; боролись, боролись, Иван-царевич пал в испод, а змей наверх; девка схватила ножом колоть. Спужалса змей, свалилса с Ивана-царевича; тот скочил, схватил топор и остальные три головы отсек, вынял по самоцветному камню, головы под угол положил, тулово в морё спихал; зашёл в избу и лёг, спит крепко. Вдруг пригонил Лука-водовоз, помолитвовал у избушки, царска дочи «аминь» отдала, заскочил в избушку, видит: царска дочь жива сидит, а тут мужик спит. «Это какой человек?» Она сказала: «Он меня от смерти избавил, всех трёх змей убил». Лука-водовоз говорит: «Давай, я у его голову отсеку, а ты скажи, што я тебя от смерти избавил, я убил змеей, а если не скажёшь, я у тя голову отсеку». Девки жалко своя жизнь, она и согласилась. Лука-водовоз схватил топор, тукнул, у Ивана-царевича голова отлетела. Девку схватил посадил в боцьку, потащил к царю. «Вот, ваше царско величество, я твою дочь от смерти избавил, убил змеей всех трёх». У царя было тако завещанье: «Хто дочь от смерти избавит, тому полжитья, полбытья, после смерти на царсво». Царь принял с чесью, с радостью; у царя не пиво варить, не вино курить: пиво сварено, вино скурено, весёлым пирком, да и свадебкой. Тогда дочь сказала: «Любезный мой папинець, дай мне посленныйж ищэ со своима служанками к синему морю сходить, погулять». Задумала она Ивана-царевича похоронить. Вот царь ей и позволил. Взяла она себе в повозочек досок на гроб, взяла одежду на саван, на покрывало, средить его и похоронить. Приехала к избушки, стала тело мёртво мыть и усмотрела в кармани пузырьки с живой и с мёртвой водой; голову приложила к тулову, мёртвой водой и олила — прикипело друг ко дружке; живой помазала, да в рот спустила, дунула, он сделался живой. Сел Иван-царевич и сказал: «Фу, долго спал, да скоро стал». Тогда царевна сказала: «Ты меня от смерти свободил, и я тебя свободила, теперича я батюшку объевлю, что Лука-водовоз у тебя голову отсекал, тогда мой батюшко будет меня давать замуж за тебя, што этот меня избавил от смерти, а не Лука-водовоз». А Иван-царевич говорит: «Надо бы попась мне на светую Русь, здесь не охвота на тебе женитьця». — «А если тебе не охвота, то у батюшки проси, есь у него Маговой-птица, она тебя можот вынести». Взяла, в корету посадила и повезла. Привезла и говорит отцу: «Вот тот-то меня от смерти избавил, а не

Лука-водовоз». А Лука-водовоз говорит: «Нет, я». Иван-царевич говорит: «А куда ты головы девал?» — «А я в морё сметал». — «У меня под углы сложены». Царь дочери поверил, Луку-водовоза на ворота посадили и растрелели. Стал царь говорить: «Иван-царевич, ты с того свету, будь у меня, после смерти сидеть на царсво». А Иван-царевич говорит: «Нет ле у тебя Маговей-птицы, мне хочетця отча посмотреть». Сейчас же царь прикликал Маговей-птичу. Ивана-царевича на Маговей-птичу посадили, наубивали мелких телёшков. И полетели; летели, летели, и проговорила Маговей-птича: «Иван-царевич я больше не могу лететь, ись захотела». Вот он взял телёнка, ей сунул в гортань, она и полетела вперёд; раза два, три совал ей, кормил. Маговей-птича его донесла до конча дыры, он руки вы́знял, кверху вы́знялси, а Маговей-птича ослабела, из силы вышла и обратно пала, а он чепáлса, чепáлса, да и вы́чпалса; вышёл, запружил камнём дыру, захлúпил и пошёл домой во своё царсво. Пришёл, кто по дороге идёт здороваются, рассказывают: «Привезли братья кису, секут и режут ей, а попась не могут». Вот пришёл домой, Богу помолился, поздоровался. «Здраствуй, родимая матушка, батюшко». — «Иван-царевич, ты, сын пришёл, где же ты побывал?» Он обсказал отчю: «Был в поземном царсве, Маговей-птича одва меня вынесла». Тогда: «Давайте, братья, несите, где моя киса?» Братья принесли кису, бросили нёчесно. Он им на то говорит: «Вы же меня чуть не погубили, а не я вас». Взял кису, отомкнул, вынул глазную воду, у отца глаза помазáл, отец сделалса глазáтой. Живут несколько времени.

Началась весна, вдруг весной приходит к им карап, приехала страгия царь-девица, привезла двух отроков, стали клик кликать, просить виноватого. Тогда говорит царь: «Большой сын, Фёдор-царевич, съезди, не ты ле што ездил да нагрезил, да накурéзил». Фёдор-царевич сел и поехал. Эти робятка увидали Фёдора-царевича и говорят: «Маминька, вон наш тáтенька идёт». — «Это не татенька, это ваш родимой дядюшка. Когда он на карап зайдёт, в ноги падите, штаны стените и наклещите, пускай он в чужу петлю не суетця». Так робятка и сделали и так хорошо ему по жопы нахлестали — поехал домой на брюхе лежит (и со вторым так же было). Поехал Иван-царевич, он взял, пал в смолу, в пёрьи вывалялса и сделался, как чёрт мохнатой, и взял худу клячу водовозну, сел личом к хвосту, заворотил хвост, да рукой по дыры хлещот, едет к кораблю. Эти робятки увидали, бегут и говорят: «О, мамушка, чёрт едет, чёрт». Она зглянула и говорит: «Нет, детушки, то татинька едёт, стащите его с лошадки, оммойте, да и сюда заведите». Робятка побежали, всего омыли, охитили, занесли на карап. «Здравствуй, Иван-царевич, я прибыла к тебе, должон ты со мной принять

законной брак». У царя не пиво варить, не вино курить. Стали быть да жить, добра наживать, лихо избывать, да и теперь живут.

(Рассказано Вокуевым Анисимом Фёдоровичем)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.